

Т. А. Гридина
Екатеринбург, Россия

**ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ИГРЫ**

Аннотация. Рассматриваются модели трансляции и обыгрывания коннотирующей семантики имени собственного в современной этносоциокультурной ситуации, характеризуются ассоциативные стратегии языковой игры в акцентировании аспектов социально и этнически маркированной семантики антропонимикона, функционирующего в СМИ.

Ключевые слова: языковая игра; ассоциативный потенциал слова; ономастическая игра; этносоциокультурная модель; политический дискурс.

Сведения об авторе: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 281.
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

T. A. Gridina
Ekaterinburg, Russia

**ETHNO-SOCIO-CULTURAL CONTEXT
OF ONOMASTIC GAME**

Abstract. The article describes models of communication and playing up with connotative semantics of a proper name in the contemporary ethno-socio-cultural situation. Associative strategies of the language game are characterized, which stress aspects of social and ethnic marked semantics of proper names used in Mass Media.

Key words: language game; associative potential of a word; onomastic game; ethno-socio-cultural model; political discourse.

About the author: Gridina Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Современная языковая ситуация характеризуется высоким рейтингом деканонизированных форм речевого поведения, что выражается, в частности, в активном использовании говорящими широкого регистра приемов языковой игры. «Игровые трансформации» обнаруживают свежие возможности интерпретации языковых знаков, выявляя их ассоциативный потенциал. Последний образуется всей совокупностью ассоциативных реакций, которая может возникать в сознании носителей языка в процессе использования, восприятия или порождения вербальных единиц, т. е. отражает весь спектр функционально-динамических репрезентаций знака, сопряженный с присвоением языковых значений и форм конкретными носителями языка (с учетом гендерных, возрастных, этнических, социальных, культурных, когнитивных и т. п. факторов, влияющих на ассоциативный тезаурус языковой личности) [Гридина 1996, Ваганова, Гридина 2007].

Основополагающий принцип языковой игры, с нашей точки зрения, заключается в актуализации психологически релевантных для носителей языка многовалентных ассоциативных связей знаковых единиц и в намеренном использовании нестандартного кода их употребления, восприятия и порождения (при «обнаружении» и одновременном переключении, ломке ассоциативных стереотипов с помощью специальных лингвистических приемов). В этом смысле языковая игра может быть определена как особая форма лингвокреативного мышления [Гридина 1996], в основе которого лежат ассоциативные механизмы, позволяющие создавать нечто новое на базе уже познанного.

В случае языковой игры новой ассоциативной обработке в специально смоделированном контексте подвергаются вербальные «стимулы». В качестве таких стимулов (единиц, вовлекаемых в процессы языковой игры) нередко выступают имена собственные, несущие в себе этносоциокультурные коннотации, закрепленные за соответствующим классом онимов в сознании носителей языка. В сочетании с личностно-проективными аспектами восприятия имени собственного его этносоциокультурный базис создает «обширный и качественно сложный ... лексический фон», придающий конкретному имени «неповторимый облик» [Верещагин, Костомаров 2005: 98]. В частности, для восприятия носителями языка имени-антропонима оказываются значимыми такие его параметры, как «возраст», происхождение, социальная окраска (даже в значительной степени стертая в настоящее время), употребительность, территориальная локализация, «живая внутренняя форма»; устойчивые «значения», связанные с употреблением имени в фольклоре» [Там же: 98—103], а также ассоциативный контекст имени, определяемый его связью с разного рода прецедентами (из области политики, истории, литературы и т. п.).

Ономастическая игра — особая разновидность языковой игры, основанная на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного, что достигается при помощи различных приемов его (имени) трансформации и контекстуальной/референтной актуализации. При этом языковая игра активно эксплуатирует именно социокультурный шлейф, который составляет коннотат соответствующего онима.

Особой коннотативной нагруженностью, сопряженной с разного рода оценочными пресуппозициями, характеризуются антропонимы. Личное имя обладает собственными этнокультурными и социокультурными проекциями, даже будучи воспринятым вне контекста: например, *Иван* — имя, вызывающее вполне предсказуемый спектр ассоциаций, связанный с типовым представлением о его потенциальном носителе. По данным ассоциативных экспериментов, это имя *простого/обычного русского человека*, которому приписываются такие личностные черты, как *доброта, открытость, доверчивость, простодушие*, при этом в сознании всплывает сказочный образ *Ивана-дурака*; одновременно с этим имя *Иван* актуализирует и такие ассоциации, как *рубаха-парень, смельчак, ловкий малый, русский солдат* и т. п. В русской народной культуре и межъязыковом социокультурном пространстве, как известно, имя *Иван* выступает символом «русскости».

Традиционными сферами обыгрывания антропонимов выступают фольклор и художественная литература, которые «насыщают» личное имя контекстуально заданными (типовыми и индивидуально-авторскими) смыслами (ср.: *Зина, не сиди разиней // Сидит Устя, рукава спустя* и др. поговорки, в составе которых имена *Зина* и *Устя* соответственно приобретают коннотации «разиня» и «лентяйка»). В художественно-литературном дискурсе оценочной семантикой наполняются так называемые говорящие имена (ср. *Обломов, Хлестаков*), эксплицирующие свою «нарицательность» в дериватах типа *обломовщина, хлестаковщина* и т. п. Многочисленные примеры обыгрывания антропонимов находим в «зашифрованных» (часто пародийных) презентациях и псевдонимах писателей и поэтов (ср.: *Вивиан Ван Бок* = Владимир Набоков; *Форшмак* = Самуил Маршак; *дяденька Корнеплодий* = *Корней Чуковский* и др.). Активно используется ономастическая игра и в современном политическом дискурсе, где она получает все большую «легализацию». Достаточно привести известный пример спонтанного обыгрывания имени М. С. Горбачева в речи Р. Рейгана во время визита в Советский Союз: *Куй железо, пока Горбачев*. В этой игровой трансформации пословичного выражения (куй железо, пока горячо) однозначно прочитывается смысл «политического напутствия» первому президенту СССР. В описанной ситуации сказанная Рейганом фраза была явным выражением одобрения и признания политики перестройки, проводимой М. С. Горбачевым. Ср. *рейганомика* — отантропонимическое образование той же эпохи, транслирующее представление об экономической политике бывшего американского президента.

Таким образом, ассоциативный потенциал имени собственного (в частности антропонима) может быть охарактеризован с помощью этнокультурной и социокультурной моделей его ин-

терпретации, поскольку «семантика» онима определяется прежде всего тем, **что** оно **«коннотирует»** как единица языка и речи в рамках культуры определенного этноса и социума.

Весьма показательно в этом отношении функционирование антропонимов в «цитатном фонде» СМИ, прежде всего в составе прецедентных высказываний, в которых актуализируется социокультурное содержание разных видов собственных имен [см. Душенко 2002].

В настоящее время широкое распространение в интернет-сообществе получил созданный в Израиле русскими эмигрантами словарь «Ты русский, если...», в котором в качестве одного из признаков русского этнического сознания отмечается знание носителем языка реестра уменьшительных форм полного имени собственного (так называемых гипокористик): *«Ты русский, если ты знаешь, что Александр может быть Сашей, Саней, Шурой, Шуриком или Аликом...»*

Этносоциокультурный статус антропонимов определяется, таким образом, их формой (структурным обликом, наличием полных и уменьшительных вариантов, фоносемантикой), типичностью, распространенностью, мотивированностью и символической/прецедентной значимостью в языке того или иного народа.

Можно выделить следующие приемы обыгрывания отмеченных составляющих антропонима в цитатном дискурсе современных СМИ (при этом транслируются не только первичные смыслы, присущие имени, обыгрываемому в цитируемом высказывании, но и позднейшее ассоциативное «расширение» цитатного текста, в котором представлен антропоним):

- подчеркивание национально-культурной идентичности в опоре на *структурные стереотипы* восприятия определенных моделей антропонимов. Например: **Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи** (И. Ильф и Е. Петров. «Золотой теленок»). Оформление финалей данного ряда антропонимов, характерное для еврейских фамилий, в приведенном прецедентном высказывании подкрепляется грамматической актуализацией их типичности (употреблением в форме мн. ч.) и подчеркиванием невысокого социально-оценочного «рейтинга» (*всякие там Рабиновичи*). Заметим, что антропоним, употребленный во мн. ч., как правило, становится транслятором разного рода социальных оценок (см. примеры ниже); ономастическое обыгрывание структурного сходства антропонимов усиливается ассоциативным наложением — совпадением одной из фамилий с омонимичным апеллятивом (ср. *Айсберги* — *айсберг*), а также фонетической «перекличкой» первых трех «имен», контрастирующей с прецедентной (имеющей «нарицательное» значение) фамилией *Рабинович*;

- акцентирование *символической* национально-культурной или социальной коннотации типичного имени этноса. Ср.: *На Ивановых Россия держится* (К. Симонов. «Живые и мерт-

вые»). *На службу вышли Ивановы / В своих штанах и башмаках* (Н. А. Заболоцкий. «Ивановы»). Разный оценочный модус данного антропонима обусловлен акцентированием в первом случае идеи патриотизма простых русских людей (*Иванов* — «самая распространенная, самая обычная русская фамилия»; эта уже упоминавшаяся в связи с именем *Иван* коннотация «русскости» и «типичности» коррелирует с представлениями о свойствах национального характера русского человека); во втором случае коннотация типичной фамилии актуализирует идею «обезличенности» человека в новом (советском) обществе, где «все равны». Гротескный характер подобных этносоциальных обобщений (оценок) составляет основу комического (юмористического и сатирического) обыгрывания имени собственного, что определяет, в частности, и востребованность (высокий цитатный индекс) таких ономастических «фигур»: *Стили бывают разных Луёв* (В. Маяковский. «Баня»); *Мало ли в Бразилии Педров! И не сосчитаешь!* (телефильм «Здравствуйте, я ваша тетя!»). Грамматическая аномальность падежных форм несклоняемых фамилий — одна из форм экспрессивного сниженного стиля народной смеховой культуры;

- установление межэтнической эквивалентности и/или этнического своеобразия имен при актуализации языкового стереотипа восприятия имени как *наиболее типичного* для представителей того или иного этноса. Например: *Погрузински я — Ваню, / А по-русски — Ваня* (песня «Ваня»). В данном случае актуализируется «первичный» этнический статус антропонимов, что позволяет интерпретатору (автору песенного текста) при помощи «ассоциативной идентификации» русского и грузинского имен «преподнести» массовому адресату идею о дружбе народов;

- ономастический каламбур, связанный с опосредованной актуализацией этносоциокультурных коннотаций имени собственного при помощи разного рода лингвистических «трюков» (приемов контекстуального обыгрывания «семантики» имени). Например: *Журналистика — это когда сообщают: „Лорд Джон умер“ — людям, которые не знали, что лорд Джон жил* (Г. Честертон. «Лиловый парик») — по поводу склонности английской прессы информировать о том, что не может быть предметом публичного интереса. Имя *Джон* обладает коннотацией типичного английского имени и коннотацией аристократичности, наведенной контекстуальной статусной референцией имени (лорд). Ср.: *А зовут его Авас. Ты — Вася, а он — грузин* (М. М. Жванецкий. «Авас») — комическое обыгрывание ситуации омофонического восприятия имени *Авас* как вопросительной этикетной формулы «*А Вас?*» при фоновой актуализации этнокультурных коннотаций (грузинское имя *Авас* столь же типично, как русское *Вася*; «анаграммный» характер данных имен усиливает

игровой эффект этнокультурного контраста). Данная фраза, ставшая ходячей остротой, используется (часто в сокращенном виде «*А зовут его Авас*») для указания на то, что кто-то «запутался в простом вопросе» (с намеком на несообразительность и отсутствие эрудиции у адресата высказывания): имя транслирует смысл целого прецедентного текста;

- игра с социально (политически) маркированными прецедентными именами собственными, интерпретационная «сила» которой определяется возможностью многократного ситуативного перекодирования **значимой** информации, связанной с восприятием ономастической единицы. Например: *Сыновья лейтенанта Шмидта* («Золотой теленок») — в данном случае отсылка к имени легендарного лейтенанта Черноморского флота, руководившего восстанием на крейсере «Очаков», маркирует ситуацию мнимой реальности — постулирование (так поступали герои романа И. Ильфа и Е. Петрова) «родства» со знаменитой личностью для повышения собственной «значительности» (манипулятивное использование прецедентного имени для получения незаслуженных «льгот»). Ср.: *Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции* (в том же романе, гл. 13) — здесь искусственный оним ассоциативно соотносится со своим прецедентным прототипом («Лев Толстой как зеркало русской революции» — название известной статьи В. И. Ленина). Несовпадение «величин» усиливает пародийный эффект ономастической игры. Особый тип обыгрывания прецедентного имени в цитатном фонде СМИ — его аллюзивное тиражирование применительно к новым референтам. Так, по аналогии с *Железный Феликс* (о Дзержинском) появилось прозвище *Железный Шурик* (на рубеже 1950—60-х гг. так называли главу КГБ А. Н. Шелепина, в 1990-е гг. — тележурналиста А. Г. Невзорова). Распространенным приемом ономастической игры является также обобщающая референция прецедентного имени. Ср.: *Коллективный Распутин* (А. М. Тулеев. Речь на 9-м съезде народных депутатов). Нередко прецедентное имя, «вписанное» в конкретный социально-политический ситуативный контекст, становится источником юмористических «аллюзий», например: *И примкнувший к ним Шепилов* (Из постановления пленума ЦК КПСС, опубл. 4 июля 1957 г.: «Осудить... фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова»). По анекдоту того времени, «*и примкнувший к ним Шепилов*» — **«самая длинная русская фамилия»**; ср.: *ножки Буша* (об американской продовольственной помощи России в виде куриных ножек; имя американского президента Джорджа Буша метонимически «приклеивается» к этой ситуации, получая шутливо-ироническую характеристику, сниженную оценочную коннотацию);

- игра с эстетически и культурно маркированными прецедентными именами в цитатном фонде современных СМИ, использующая разные приемы акцентирования и/или переключения их типовой ономастической «семантики»:

а) ситуативное тиражирование прецедентного текста в опоре на обобщенно-оценочный смысл имени собственного в его составе: *Муля, не нервуй меня!* (кинофильм «Подкидыш») — о ситуации, требующей от адресата реплики безропотного подчинения; *Богатенький Бурадино!* (телефильм и сказка А. Н. Толстого «Золотой ключик») — шутливо-ироническая реплика, содержащая импликацию «мнимая величина»;

б) словообразовательная актуализация «значения» прецедентного имени: *Пастернак перепастерначит...* (А. А. Ахматова);

в) направленная актуализация семантики прецедентного имени собственного путем включения его в инородный лингвосоциокультурный контекст: *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью* (В. А. Бахчанян. Одностишие); *Ближе к телу, как говорит Мопассан* (И. Ильф и Е. Петров); *Гомер, Мильтон и Паниковский* («Золотой телёнок», гл. 12);

г) актуализация «нарицательного» смысла прецедентного имени: *Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные!* (В. Высоцкий) — грамматическая генерализация; *Иудушка Троцкий!* (В. И. Ленин) — контаминация и ассоциативная идентификация прецедентных имен разных сфер по оценочному модусу; *Уцененный Мейерхольд* — о некоем режиссере (М. А. Светлов) — оценочное градуирование как прием иронического уничижения (сравнения не в пользу адресата);

- обыгрывание через актуализацию и/или «прояснение» внутренней формы имени собственного: *Борис, борись!* (лозунг, обращенный к Б. Ельцину; использовался на плакатах и значках на митингах демократической оппозиции в Москве с лета 1980 г.) — каламбурное сближение паронимов, намекающее на ситуацию острой политической борьбы за власть; *Господа Обмановы* (Заглавие фельетона // Россия. 1902. 13 янв.). Под «Обмановыми» имелась в виду царствующая семья Романовых (ономастический эквивалент выступает как прозрачный оценочный эвфемизм); *Вставай же, Всеволод, И всем володей...* (Э. Г. Багрицкий) — этимологическая актуализация ономастической семантики; и т. п.

Игровой «имидж» языка, характерный для конца XX — начала XXI вв., активно вторгается не только в сферу политической радио- и телекоммуникации, но и в сферу разговорной речи, где стремление к языковой игре (в том числе ономастической) проявляется в неофициальной обстановке спонтанного общения. Одной из ярко выраженных тенденций ассоциативного обыгрывания имени собственного (часто имеющего статус прецедентного имени) стано-

вится его актуализация в структуре так называемых антипословиц (трансформированных прецедентных высказываний и единиц традиционного пословичного фонда, «подчеркнуто иронически „выворачивающих наизнанку“ освященную веками народную мудрость и нравственные стереотипы советского времени). Этот процесс обозначается как «паремиологическое сопротивление» [Вальтер, Мокиенко: 4] демократического общества тем моральным догмам, которые сковывают свободу самовыражения личности.

Охарактеризуем ассоциативные стратегии и приемы ономастической игры этого типа с точки зрения тех этносоциокультурных проекций, которые она в себе несет:

1. Введение прецедентного имени (как части прецедентного текста, высказывания) в инокультурный контекст, или ассоциативное **переключение смысла прецедентного имени по принципу контрастной ситуативной референции**.

Свадьба — это контрольный выстрел Амура. Амур — бог, пронзающий сердца людей стрелами любви. *Контрольный выстрел — последний выстрел убийцы* с целью убедиться в том, что жертва мертва. Ассоциативный контекст ономастического каламбура: Амур — бог, дарующий любовь, чьи стрелы разят беспощадно, не оставляя жертве свободы выбора (при актуализации импликации «свадьба — узаконенное совместное существование и конец романтических отношений» и т. п.).

2. Акцентирование социокультурной коннотации прецедентных имен собственных для создания оценочных импликаций. Это достигается, в частности, игрой по принципу ассоциативной идентификации и контраста имени с содержанием устойчивых (пословичных, афористических) выражений. Ср., например, прием введения антропонима в модельную сетку легко узнаваемого фразеологизма: *Не так страшен Бонч, как его Бруевич!* (ср.: *Не так страшен черт, как его малюют*). Расчленение сложного имени на самостоятельные элементы в составе фраземы определяет их «игровую» оценочную градацию. В данном случае смоделированный фразеологический аналог актуализирует идеологическую импликацию: *Бонч-Бруевич* — ближайший соратник и проводник в жизнь идей В. И. Ленина. Подобные антропонимические каламбуры весьма продуктивны в игровом «политическом» дискурсе.

Еще одним приемом ассоциативной идентификации, создающей новые ономастические каламбуры (ходячие «фразы-ярлыки»), является аллюзивное сближение прецедентных имен разных исторических эпох: *«Борис Грозный, потому что Николай Первый»* (Запись. СПб., март 2002 г.). Это намек на первого президента России Б. Н. Ельцина, отличавшегося *крутым нравом*; ср. также *Николай Кровавый* — прозвище Николая I.

3. Принцип паронимического и омофонического обыгрывания прецедентного имени при введении его в контекст пословицы или цитаты из художественного текста: *Слезам Боре не поможешь* (ср.: *Слезам горю не поможешь*). *Боря матом небо кроет* (ср.: «*Буря мглой небо кроет...*»). Данные трансформы содержат намек на обстоятельства политической карьеры и характерные черты личности Б. Н. Ельцина. Комизм и экспрессия данных «переделок» поддерживаются использованием уменьшительной формы имени.

4. Использование имен из сферы художественной литературы во вторичной номинативной функции (по принципу парадоксальной ассоциативной идентификации, нарушающей прогноз употребления онима). Ср., например, использование имени *Буратино* в качестве названия водки в контексте, пародирующем современную рекламу: *Водка „Буратино“ — почувствуйте себя дровами*. Акцент на том известном обстоятельстве, что Буратино был вырезан папой Карло из полена, имплицитно содержится в игровом рекламном слогане и переклюкает ассоциативный стереотип восприятия образа данного персонажа в неожиданное русло (ср. *Буратино* — веселый деревянный человечек, герой детской сказки, — символ неизбежного оптимизма и жизнелюбия).

5. Актуализация нарицательного смысла имен литературных персонажей, воплощающих в себе определенный тип личности, путем неожиданного сближения и противопоставления: *В каждом из нас сидит Обломов, но Герасим глубже*. Расширение известного цитатного контекста, в котором сталкиваются символические «проекции» двух прецедентных литературных имен, парадоксально заостряет мысль о лени, пассивности и молчаливом «сопротивлении» как типичных чертах русского национального характера.

6. Комическое обыгрывание мотивированности имен известных деятелей современной культуры по принципу фразеологической аллюзии: *Гусман Михалкову не товарищ* (ср.: *Гусь свинье не товарищ*). Содержание фразеологической трансформы передает идею несоответствия «рангов» применительно к конкретным личностям (по режиссерскому «весу» в искусстве кино *Гусман* и *Михалков* несопоставимы).

Ср.: *Если вы не Шекспир, это еще не значит, что вы Толстой* (Трушкин, 2000).

7. Обыгрывание структурного сходства имен как средство их «уравнивания» в определенном ситуативном контексте: *Мы с тобой одной крови. Чук и Гек* (Фоменко). *Чук от Гека недалеко падает* («Чук и Гек» — название детской повести А. Гайдара). Ср. прием введения имен в модельную сетку прецедентного высказывания (фразеологизма), в данном случае в представленной игровой трансформе ассоциативно считывается прототип *яблоко от яблони недалеко падает*.

8. Эффект ассоциативного наложения апеллятивной и ономастической семантики морфем в составе слова как способ создания каламбура: *Геноцид — это насилие над Чебурашками // По наследству передаются только гены и Чебурашки* (ономастическая зевгма). Ср. *геноцид и Гена; гены и Гена* (имя известного друга Чебурашки, крокодила Гены).

Таким образом, ассоциативная «обработка» антропонима обнаруживает потенциальную многомерность его интерпретации как единицы коллективного и индивидуального сознания. Ономастическая игра предстает при этом как процесс многократного декодирования и перекодирования этой информации в коммуникативном регистре «языковая/речевая значимость имени собственного — интерпретатор — адресат».

ЛИТЕРАТУРА

Ваганова И. Ю., Гридина Т. А. «Описываемое будущее» как модель ментального пространства в художественной фантастике (на материале повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу») // Известия МГОУ. Сер. «Филология». — М., 2007. С. 14—20.

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — СПб.; М., 2006.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М., 2005.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. — Екатеринбург, 2008.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. — М., 2002.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и проф. М. Э. Рут